
Зарубежная литература

УДК 82.091

DOI: 10.31249/lit/2026.02.07

АРЕФЬЕВ Д.А.¹ ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ – ЧИТАТЕЛЬ (ПРЕД)РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ РОМАНОВ «КОРИННА, ИЛИ ИТАЛИЯ» Ж. ДЕ СТАЛЬ И «СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА» И.В. ГЁТЕ В ЛИРИКЕ ПОЭТА[©]

Аннотация. В статье предпринимается попытка очертить круг чтения крупнейшего итальянского лирика XIX в. Джакомо Леопарди и уделить более пристальное внимание рецепции им (пред)романтической литературы. В творческом становлении поэта ключевое место занимает классическая античная и итальянская поэзия, представленная именами Гомера, Вергилия, Горация, Петрарки, Данте и др., однако известно, что он имел возможность читать и современную литературу, оказавшуюся в его распоряжении в семейной библиотеке и представленную французским романом «Коринна, или Италия» Ж. де Сталь и переводом с немецкого языка на итальянский «Страданий юного Вертера» И.В. Гёте. Демонстрируются специфика восприятия двух романов XVIII–XIX вв. итальянским поэтом и элементы их влияния на его собственное поэтическое творчество на примере стихотворений «Последняя песнь Сафо», «Вечер праздничного дня» и «Воспоминания». Автор приходит к выводу, что, в том числе благодаря им, Леопарди выработал те писательские принципы, которые будут лежать в основе множества его лирических произведений, а именно: автобиографичность, обращение к древности и детству как

¹ **Арефьев Дмитрий Андреевич** – аспирант, младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ведущий библиотекарь Центра междисциплинарных исследований Библиотеки иностранной литературы; ORCID: 0000-0002-1346-2939; dima-aref@mail.ru

© Арефьев Д.А., 2026

*Джакомо Леопарди – читатель (пред)романтической литературы:
к вопросу о рецепции романов «Коринна, или Италия»...*

свидетельствам естественного состояния человека, выражение личного чувства через трансмузыкальную топику и мотив памяти.

Ключевые слова: Дж. Леопарди; «Дневник размышлений»; Ж. де Сталь; «Коринна, или Италия»; И.В. Гёте; «Страдания юного Вертера».

Для цитирования: Арефьев Д.А. Джакомо Леопарди – читатель (пред)романтической литературы: к вопросу о рецепции романов «Коринна, или Италия» Ж. де Сталь и «Страдания юного Вертера» И.В. Гёте в лирике поэта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2026. – № 2 – С. 102–135. – DOI: 10.31249/lit/2026.02.07

Поступила: 21.08.2025

Принята к печати: 03.03.2026

AREFEV D.A.¹ Giacomo Leopardi as a reader of (Pre-)Romantic literature: the reception of Mme de Staël's *Corinne ou l'Italie* and J.W. Goethe's *Die Leiden des jungen Werthers* in his poetry[©]

Abstract. This article attempts to delineate the reading repertoire of Giacomo Leopardi, the foremost Italian lyric poet of the nineteenth century, and to focus closely on his reception of (pre-)Romantic literature. While classical antiquity and Italian poetry, represented, among others, by figures such as Homer, Virgil, Horace, Petrarch, and Dante, play a pivotal role in the poet's creative formation, it is known that he also had access to the contemporary literature available in his family library. This collection included such works as Germaine de Staël's *Corinne ou l'Italie* and an Italian translation of Johann Wolfgang von Goethe's *Die Leiden des jungen Werthers*. The article demonstrates the specific nature of the Italian poet's reception of these two novels from the eighteenth and nineteenth centuries and traces elements of their influence on his own poetic output, as exemplified in the poems *Ultimo canto di Saffo*, *La sera del dì di festa*, and *Le ricordanze*. The author concludes that, partly due to these influences, Leopardi developed the literary principles that would underlie many of his poems, namely, the autobiographical mode, a turn to ancient times and childhood as evi-

¹ **Arefev Dmitry Andreevich** – PhD student, Junior Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Leading Librarian of the Interdisciplinary Research Center of the M.I. Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature; ORCID: 0000-0002-1346-2939; dima-aref@mail.ru

© Arefev D.A., 2026

dence of the natural human state and the expression of intimate feelings through the topos of transmusicality and motif of memory.

Keywords: G. Leopardi; *Zibaldone*; G. de Staël; *Corinne ou l'Italie*; J.W. von Goethe; *Die Leiden des jungen Werthers*.

To cite this article: Arefev, Dmitry A. “Giacomo Leopardi as a reader of (Pre-)Romantic literature: the reception of Mme de Staël’s *Corinne ou l’Italie* and J.W. Goethe’s *Die Leiden des jungen Werthers* in his poetry”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2026, pp. 102–135. DOI: 10.31249/lit/2026.02.07 (In Russian)

Received: 21.08.2025

Accepted: 03.03.2026

Писательская техника, стиль, приемы, метод складываются, как известно, в немалой степени на основе читательского опыта, изучение которого позволяет проследить генезис взглядов и поэтики автора. Так, для понимания некоторых особенностей творчества крупнейшего итальянского лирика XIX столетия Джакомо Леопарди (1798–1837) представляется немаловажным осмыслить то, с какими текстами он имел дело. Известно, что, с одной стороны, греческая, латинская и итальянская классика оказали перво-степенное влияние на творческое и личностное становление Леопарди. С другой стороны, такие произведения, как «Коринна, или Италия» (*Corinne ou l’Italie*, 1807) Ж. де Сталь и «Страдания юного Вертера» (*Die Leiden des jungen Werthers*, 1774) И.В. Гёте, произвели на него глубокое впечатление. Мы сфокусируемся на двух романах XVIII–XIX вв., так как именно они показали Леопарди, «что можно высказать» [Blasucci, 2021, p. 16] в творчестве.

Следы рецепции как классической, так и современной для Леопарди литературы можно обнаружить в «Дневнике размышлений» (*Zibaldone di pensieri*), который создавался с 1817 по 1832 г. и представляет собой собрание многочисленных записей и выписок, в том числе пространных, на разные темы – творческую лабораторию поэта. Обращение к ним позволяет если не полно, то хотя бы частично проследить ход создания того или иного стихотворения и описать формирование творческих установок, художественного метода, критической позиции, вкусовых предпочтений писателя. Будет небезынтересно прояснить, какую роль сыграли авторы не только периода Античности и Средних веков, но и литература рубежа XVIII–XIX столетий, в частности переводные произведения, в собственном творчестве Леопарди, ведь без учета последних, по словам Ю.Д. Левина, картина становления национальной культуры

(в данном случае – итальянской) «не будет полной» [Левин, 1985, с. 4].

Под рецепцией мы понимаем знакомство Леопарди с определенными произведениями литературы – факт их восприятия и чтения, а также их освоение в практическом плане: усвоение и креативное применение поэтом в своей лирике их особенностей, выявленных в процессе самостоятельного анализа сюжетов, характеров персонажей, идей, мотивов, топосов и образов.

Интерес к мировому литературному наследию, в первую очередь античному, прослеживается в биографии Леопарди с раннего возраста. Общеизвестно, что существенное влияние на образование поэта и формирование его широкой эрудиции оказала библиотека его отца, Мональдо Леопарди (1776–1847), в которой, судя по опубликованному под редакцией А. Кампаны каталогу [Catalogo della biblioteca Leopardi in Recanati (1847–1899), 2011]¹, насчитывалось около 14 000 единиц хранения [Benussi, 2002, p. 158]. В этой библиотеке «латинские и греческие классики, как и следовало ожидать, присутствуют в полном объеме», «другой раздел посвящен, конечно же, крупным итальянским авторам от истоков до XVIII в.», «наличествуют, разумеется, и крупные итальянские писатели XIX в.», а иностранная литература представлена «многочисленными книгами французских авторов, в меньшей степени английских, небольшим количеством немецких и испанских, преимущественно в переводе» [Benussi, 2002, p. 188–189].

Список авторов, которым Леопарди отдавал предпочтение перед всеми остальными, включает имена античных поэтов и писателей. Практически с первых страниц «Дневника размышлений» появляется имя Гомера, которого Леопарди считал величайшим поэтом всех времен и народов, а «Илиаду» – эталонным произведением. При выяснении отношения Леопарди к Гомеру обнаруживается и его специфический подход к литературным произведениям, выражающийся в том, что «Одиссея» не признавалась им в качестве поэмы, принадлежащей древнегреческому поэту, хотя он и осуществил перевод первой книги на итальянский язык². По осо-

¹ Эта книга представляет собой новое пересмотренное и исправленное издание впервые опубликованного в 1899 г. каталога семейной библиотеки Леопарди (см.: [Catalogo della Biblioteca Leopardi in Recanati, 1899]).

² Об этом см.: [Sole, 1982]. Переводческая деятельность рассматривалась Леопарди в качестве элемента обучения литературному творчеству. В юношеском возрасте проблемы писательского мастерства и данный вопрос, в частности,

бым причинам, которые Леопарди приводил в разных местах своего письменного наследия, гомеровским творением называется исключительно «Илиада»¹.

Заметную роль в становлении Леопарди как автора сыграло творчество латинских поэтов – Вергилия и Горация. В подростковом возрасте он видел в них поэтические образцы. Леопарди переводил и цитировал их – напрямую или косвенно. Вергилий выступает в таком качестве с 1809 г.² Особого упоминания заслуживает его перевод второй книги «Энеиды»³. Исследователями указывается, что языковые и стилистические особенности этого перевода отразились в его собственных стихах, в частности тех, что были написаны с 1818 по 1823 г. [La Penna, 1982, p. 158; Vallana, 2025, p. 122]. На протяжении всей жизни Леопарди Вергилий оставался для него одним из главных ориентиров, поскольку стиль латинского поэта «поэтичнее всего нам известного и представляет собой, быть может, *non plus ultra* поэтичности» [Леопарди, 1978, с. 425]⁴ как таковой. Горация Леопарди, как и Вергилия, активно переводил на итальянский язык – не только его «Оды» (1809 г.), но и «Послание к Пизонам» («Науку поэзии»), перевод которого осуществил в 1811 г. без сохранения оригинальной метрики и строфики, решив воспользоваться для передачи его содержания традиционной силлабикой и итальянскими октавами [La Penna, 1982, p. 153–154]. Вергилий и Гораций довольно часто встречаются в «Дневнике размышлений» рядом друг с другом. В глазах Леопарди «их изящество в первую очередь и главным образом состоит в причудливости оборотов и слов и их употребления в каждом кон-

обсуждались им в переписке с П. Джордани. Об отношении Леопарди к переводу см.: [Portier, 1970; Leopardi e la traduzione, 2016].

¹ Ср.: «...я думаю и предполагаю, что “Илиада” и “Одиссея” не принадлежат одному автору, но что вторая есть подражание слогу, языку, манере и содержанию первой, не лишенное заметной для каждого вялости и скуки» [Леопарди, 1978, с. 349] («...io congetturo e credo che l'Iliade e l'Odissea non sieno di uno stesso autore, ma questa imitata dallo stile, dalla lingua, dal fare, e dall'argomento di quella, con quel languore e sovente noia che ognuno può vedere» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 548–549]). Здесь и далее, если не оговорено иное, цитаты из «Дневника размышлений», содержащиеся в книге «Этика и эстетика» [Леопарди, 1978], даются в переводе С.А. Ошерова.

² Познакомиться с детскими и подростковыми литературными опытами Леопарди можно в: [Corti, 1972].

³ Об этом см.: [Bigi, 1967; Sole, 1990; Scafoglio, 2018].

⁴ «...quel di Virgilio, in quanto stile, è precisamente il più poetico di quanti si conoscono, e forse il non plus ultra della poetichità» [Leopardi, 1957, vol. 2, p. 611].

кретном случае, месте, значении, в причудливости метафор и т.д.» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 892]¹, а Гораций считается выдающимся лирическим поэтом «только благодаря своему стилю» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 1273]².

Одним из самых почитаемых Леопарди авторов был Данте³. В многочисленных записях «Дневника размышлений» он приравнивается к Гомеру: Леопарди не только приписывает ему ту же поэтическую величину, но и считает его «вторым Гомером» – верным приверженцем греко-римского культурного наследия. «Божественную комедию» Леопарди определяет *sui generis* как «длинное Лирическое Стихотворение (*sic!*), внутри которого – всегда поэт и его собственные чувства» [Leopardi, 1957, vol. 2, p. 1230]⁴, т.е. для него это не эпическая или лиро-эпическая поэма, а именно лирика как таковая, пусть и пространная. У Данте он ценит талант к созданию неологизмов и сложных слов⁵, решительность, с которой тот вводит в «Комедию» нехарактерную для поэзии того времени лексику, в том числе философские и богословские термины⁶. Особое значение для него имело использование в ней народного языка (*volgare*), ведь, как указывает Леопарди, «поэту необходимо выражать свои чувства на том языке, на котором он думает, и он обнаруживает, что никакой другой язык не способен их передать. Говорят, что Данте сначала попытался написать “Божественную комедию” на латыни, но затем, естественно, ему пришлось перейти на народный язык» [Leopardi, 1957, vol. 2, p. 1175–1176]⁷. Ярким примером влияния Данте на творчество Леопарди является написанное в 1816 г. терцинами стихотворение «Приближение смерти»

¹ «...l'eleganza loro principalissimamente e generalmente consiste nel pellegrino dei modi e delle voci o delle loro applicazioni a quel tal uso, luogo, significazione, nel pellegrino delle metafore ec.». Здесь и далее, если не оговорено иное, переводы из «Дневника размышлений» без указания русского издания осуществлены автором статьи.

² «E tale è il caso d'Orazio, il quale alla fine non è poeta lirico che per lo stile».

³ Подробнее см.: [Luzi, 1992].

⁴ «La Divina Commedia non è che una lunga Lirica, dov'è sempre in campo il poeta e i suoi proprii affetti».

⁵ Ср.: [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 76–77, 528].

⁶ См., например: [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 888–889].

⁷ «...il poeta ha bisogno di esprimere i suoi sentimenti nella lingua nella quale egli pensa, e trova ogni altra lingua incapace di renderli. Si dice che Dante per compor la Divina Commedia tentasse prima il latino, ma dovè poi naturalmente ridursi al volgare».

(*Appressamento della morte*), в котором усматривают наличие дантовских мотивов [Consoli, 1978, p. 40–45; Filicaia, 2013, p. 92–93].

Несколько особняком стоит Петрарка¹, в «Дневнике размышлений» ставящийся выше других собратьев по перу благодаря одной характерной черте – простоте слога, которым выражается самое тонкое чувство. «Простота Петрарки, – пишет Леопарди, – хотя и столь же естественная, как у греков, тем не менее, отличается от них чем-то, что ощущается, но не может быть объяснено» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 101]². Автор стихов к Лауре является наиболее совершенным выразителем сокровенных душевных состояний, у которого можно учиться «непринужденности» (*familiarità*) слога. Раннее стихотворение 1817 г. «Первая любовь» (*Il primo amore*) свидетельствует о рецепции Леопарди творчества Петрарки: в нем можно найти, к примеру, множество пересечений с поэмой «Триумфы» [Bonifazi, 1978]. Параллели проводят также между гражданскими и патриотическими стихами Леопарди (такими, как «К Италии» (*All'Italia*), «К памятнику Данте, воздвигнутому во Флоренции» (*Sopra il monumento di Dante che si preparava in Firenze*), «К Анджело Май, когда он нашел сочинение Цицерона о республике» (*Ad Angelo Mai, quand'ebbe trovato i libri di Cicerone della Repubblica*)) и тематически схожими канцонами Петрарки (CXXVIII и LIII). В середине 1820-х годов вышло издание «Книги песен» Петрарки, к которой Леопарди подготовил комментарии [Petrarca, 1826]³. Как объясняет бахтинским понятием связь между художественными мирами двух поэтов Е.Ю. Сапрыкина, Леопарди «“не живет чувствами” Петрарки, а лишь свободно оперирует метрической, тематической и лексико-стилистической “памятью” лирических стихотворных жанров, которыми пользовался Петрарка, выбирая для себя из этой “памяти” нужный материал» [Сапрыкина, 2007, с. 193].

Другим классическим авторам, о которых рассуждает Леопарди и которые оказали на него влияние, посвящена обширная

¹ Подробнее см.: [Bonora, 1978].

² «...la semplicità del Petrarca, benché naturalissima come quella dei greci, tuttavia differisce da quella in un modo che si sente ma non si può spiegare».

³ Подробнее см.: [Biral, 1978; Ruggieri, 1978; Cadioli, 2019; Cadioli, 2020]. Любопытно, что это прижизненное издание имеется в России (по-видимому, в единственном экземпляре): в фонде Библиотеки иностранной литературы представлен только первый том (инвентарный номер 3943итал). URL: https://catalog.libfl.ru/Record/BJVVV_571604 (дата обращения: 11.02.2026).

библиография¹. Ф. Фигурелли подчеркивает, что «это безусловное восхищение классической литературой не ослабевало в течение всей интеллектуальной и культурной жизни Леопарди... Лишь оценка некоторых произведений и авторов подвергалась корректировке» [Figurelli, 1970, p. 293].

Леопарди не оставил без внимания и современную литературу, в частности ту, которую мы относим сегодня к предромантизму или романтизму². По словам Н.Б. Томашевского, «итальянцев, с самого начала стремившихся к созданию боевой патриотической литературы, направленной на воспитание в своих соотечественниках высокого гражданского самосознания, отвращали философские и эстетические посылки заальпийского романтизма. Определения романтизма как торжества субъективного начала в поэзии над объективным, как примата раскрытия авторской души над выражением образа внешнего мира, формула романтизма как поэзии религиозной в первую очередь – не могли устроить итальянцев, радевших не столько о свободе собственного духа и нравственном самоутверждении, сколько о свободе родины,

¹ См. следующие сборники конференций, которые до сих пор регулярно проводятся на родине поэта в Реканати каждые четыре года: [Leopardi e il Settecento, 1964; Leopardi e l'Ottocento, 1970; Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento, 1978; Leopardi e il mondo antico, 1982].

² В индивидуально-авторскую эпоху, начавшуюся со второй половины XVIII в., сменяется парадигма осмысления литературы, которая понималась теперь не как ремесло, риторическое мастерство, а как самобытный, неповторимый творческий акт. Эту идейную установку В.И. Тюпа обозначает термином «креативизм». Ее укоренение в культуре прошло два этапа – романтический и постромантический, – которым «предшествовал период предромантического кризиса нормативной художественной ментальности, более всего известный под именем сентиментализма» [Тюпа, 2023, с. 23]. К этому времени относятся обсуждаемые нами в дальнейшем художественные произведения. Хотя они однозначно не принадлежат романтизму, построены на основе заготовленных жанровых форм, стилистических формул, сюжетных прототипов и номинально сохраняют сентименталистскую эстетику, в них уже явным образом присутствуют описанные В.И. Тюпой черты новой, можно сказать, романтической парадигмы. В нашем случае кажется продуктивным применять по отношению к ним если не термин «романтизм», то термин «предромантизм» – точно, несмотря на «справедливость» взглядов, отвергающих понятие преромантизма как самостоятельной литературной эпохи и считающих все явления, которые фактически подготавливают романтизм, относящимися к эпохе Просвещения» [Шетер, 1973, с. 56]. Причисляя такие произведения, как «Коринна, или Италия» и «Страдания юного Вертера», к литературе, предвосхищающей романтизм, мы придерживаемся исследовательских оценок, данных в: [Аникст, 1989, с. 18; The Oxford handbook of European Romanticism, 2016, p. 295–296].

о национальном самоопределении» [Томашевский, 1981, с. 123]. В случае Леопарди, с одной стороны, именно философский фундамент творчества, ярко выраженный субъективизм, самоценность личного переживания, восприятие природы как источника духовного опыта были переняты поэтом у романтиков, мировоззрение и произведения которых, впрочем, показались ему поначалу враждебными итальянской культуре и идентичности¹. С другой стороны, попечение о славе, единстве и величии своей родины, утверждение национального превосходства итальянцев как прямых наследников греков и римлян над другими европейскими народами, восприятие творчества как политического акта и идеологической борьбы прослеживаются в ранних стихах Леопарди. В его творчестве, если брать его целиком, соединились тенденции зарубежного, с точки зрения итальянцев, романтизма и его итальянского извода, представленного произведениями патриотического и освободительного характера, причем в текстах Леопарди можно обнаружить момент перехода от одного к другому.

Эта перемена во взглядах Леопарди имела место в 1819 г. «Кардинальная (totale) перемена во мне, – ретроспективно отмечает Леопарди в записи от 1 июля 1820 г., – и переход от древнего состояния к современному произошли, можно сказать, в течение года, то есть в 1819 году, когда, лишенный возможности пользоваться зрением и отвлекаться подолгу на чтение, я начал гораздо более мрачно ощущать свое несчастье, я начал терять надежду, глубоко размышлять о вещах <...>; это было связано также с состоянием телесного изнеможения, которое еще больше отдаляло меня от древних и приближало к современным» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 162]². В этот период Леопарди осознал причастность к своему веку, ощутил современность в себе.

Одной из ключевых фигур в ряду тех, кто подвел Леопарди к кардинальным изменениям в воззрениях, оказалась Ж. де Сталь.

¹ Вышеописанное Н.Б. Томашевским отношение итальянцев к романтизму было присуще и Леопарди и нашло воплощение в раннем неопубликованном при жизни (на тот момент юноши) произведении 1818 г. – «Рассуждении итальянца о романтической поэзии» (*Discorso di un italiano intorno alla poesia romantica*). Подробнее см.: [Арефьев, 2025, с. 21–22].

² «La mutazione totale in me, e il passaggio dallo stato antico al moderno, seguì si può dire dentro un anno, cioè nel 1819, dove, privato dell'uso della vista e della continua distrazione della lettura, cominciai a sentire la mia infelicità in un modo assai più tenebroso, cominciai ad abbandonar la speranza, a riflettere profondamente sopra le cose <...>; e questo anche per uno stato di languore corporale, che tanto più mi allontanava dagli antichi e mi avvicinava ai moderni».

В том же 1819 г. совершилось знаменательное в биографии Леопарди «философское преобразование» (*conversione filosofica*). «Я не предполагал, – пишет он, – что я философ, пока не прочел некоторых сочинений мадам де Сталь» [Леопарди, 1978, с. 380]¹. Знакомство, по крайней мере опосредованное, с ее сочинениями берет начало во второй половине 1810-х годов – во время первых попыток включиться в итальянский литературный процесс и поучаствовать в споре приверженцев классицизма и романтизма. Момент прочтения одной из ее книг – «Коринна, или Италия» – исследователями датируется промежутком между декабрем 1819 и январем 1820 г. [Massano, 1964, p. 426]. Возможность прочитать эту книгу на французском языке [Staël, 1812] у Леопарди появилась благодаря тому, что она имелась в семейной библиотеке [Priore, 2024, p. 268]².

«Коринна» оставила неизгладимый след в его душе, поскольку события этого романа напоминали Леопарди события его собственной жизни. В четырнадцатой книге Коринна, главная героиня романа, рассказывает историю своей жизни возлюбленному Освальду. После смерти матери она была вынуждена переехать из Италии в Англию к отцу. Условия жизни в глухой провинции туманного Альбиона вместе с холодной и властолюбивой мачехой и отцом, вскоре умершим, но оставившим в наследство дочери немалые средства к существованию, угнетали юную девушку и вызвали воспоминания о чудесном покинутом крае – Италии, родине ее безвременно ушедшей родительницы. Лейтмотивом всей четырнадцатой книги является чувство человека, заточенного в суровом и неприветливом месте, где пребывала Коринна. И это не могло не найти отклика в душе юноши, тоже считавшего себя узником в родительском доме и тоже совершившего побег, который, в отличие от такого же поступка героини романа, не увенчался успехом [Damiani, 1993, p. 538–540].

¹ «...non credetti di esser filosofo se non dopo lette alcune opere di Madama di Staël» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 1122].

² Исследовательница резонно замечает противоречие в ссылках, даваемых Леопарди, на книгу в разных местах «Дневника размышлений»: где-то поэт указывает третье издание, где-то – пятое. Третье издание вышло в 1808 г., пятое – в 1812 г. Вероятно, эти указания являются всего лишь описками [Priore, 2024, p. 269]. Если посчитать их не ошибками, то, по предположению Р. Приоре, Леопарди мог начать читать книгу в какой-то другой библиотеке в Реканати в третьем издании и потом приобрести пятое для себя лично – которое и хранится ныне в семейной библиотеке Леопарди [Priore, 2024, p. 269].

Освоение произведения мадам де Сталь навело Leopardi на более общую мысль о чтении¹. В записи из «Дневника размышлений» от 22 ноября 1820 г. поэт ставит понимание того или иного произведения в зависимость от способности читателя встать на место автора – способности отождествить себя с ним (и в результате, как он полагает, откроется смысл прочитанного), и заключает, что «благодаря этому методу» он «никогда не находил темными или даже невразумительными те сочинения Сталь, которые все считают весьма темными» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 306]². Особенность его рецепции романа состояла не только в том, что Leopardi находился «в абсолютно том же состоянии», которое «описывает» мадам де Сталь [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 110]³, но и в том, что она представляла в нем «гения, рассматривающего себя» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 110]⁴ даже с самой неприглядной стороны. Обнаруженное сходство с главной героиней книги подвело его к выводу о том, что «есть большая правда и знакомая глубина во всём, что Коринна говорит о себе как о молодой девушке» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 110]⁵. Главной заслугой мадам де Сталь как писательницы явилось то, что «она, подобно всем великим, описывала в романах свое сердце, свои превратности и потому везде, где хотела произвести наибольшее действие, изображала женщин» [Leopardi, 1978, c. 378]⁶.

Установка на раскрытие истории собственной души (*storia di un'anima*) становится одним из краеугольных камней поэтики Leopardi, а автобиографичность – важнейшим элементом творчества. Необходимость обращения к личным эмоциям мотивирована тем, что в связи с развитием науки и философии и прогрессом, изменившим условия человеческого существования, современные люди не в состоянии следовать вкусу древних и основывать свои произведения на античных сюжетах в принципе, кроме особых, гибридных случаев – таких, как, например, приводимый ниже.

¹ Самому процессу чтения Leopardi посвятил немало своих рассуждений, о которых подробнее см. в: [Stoyanova, 2019].

² «...con questo metodo non ho trovato mai oscuri, o almeno inintelligibili, gli scritti della Staël, che tutti danno per oscurissimi».

³ «...oltre al trovarmi io presentemente nello stessissimo stato ch'ella descrive...».

⁴ «...il rappresentare ella quivi il genio considerante se stesso...».

⁵ «...ha maggior verità e profondità familiare in tutto quello che dice Corinna di se giovanetta».

⁶ «...ella, come tutti i grandi, dipingeva ne' suoi romanzi il suo cuore, i suoi casi, e però si serve di donne per li principali effetti» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 1096].

*Рис. 1. Агесандр, Полидор и Афинодор. Лаокоон и его сыновья.
40–20 гг. до н.э. Паросский мрамор. 208×163×112 см. Музей Пии-Клементино,
Ватикан. [Инвентарный номер MV.1059.0.0]*

Рис. 2. Неизвестный автор. Ниобея с младшей дочерью.
Первая половина II в. Пентелийский мрамор. 228 см. Галерея Уффици,
Флоренция. [Инвентарный номер 1914 no. 294]

Между проявлениями эмоций у современных и древних людей – множество отличий, которые Леопарди выявляет, сравнивая произведения искусства и литературы разных эпох. Так, «выражение горя, – заявляет он, – у древних, например, в “Лаокоонте”, в группе Ниобы¹, в описаниях Гомера, непременно должно было отличаться от выражения горя в наши дни» [Леопарди, 1978, с. 322]². Знаменитые скульптурные группы «Лаокоон и его сыновья», создателями которой считаются греческие ваятели Агесандр, Полидор и Афинодор Родосские, хранящаяся в ватиканском музее Пию-Клементино (рис. 1), и «Убийство Ниобид», располагающаяся ныне в Зале Ниобеи (Sala della Niobe) флорентийской галлерей Уффици (рис. 2), упоминаются Леопарди неспроста, ведь именно о них в произведении мадам де Сталь говорится как о шедеврах, которые «выражают жестокую муку» [Сталь, 1969, с. 138]³.

Затем в романе следует размышление, принадлежащее Коринне, о том, что «нравственное существо древних было таким здоровым, их широкая грудь так вольно дышала, политический порядок так гармонировал с их способностями, что среди них почти не встречалось людей, как в наше время, охваченных томлением по иной жизни», поэтому «на лицах античных статуй» сложно обнаружить «отпечаток меланхолии» [Сталь, 1969, с. 139]. В новые же времена «самой благородной чертой человека стала скорбь» [Сталь, 1969, с. 138]. Меланхолия, свойственная современным людям, – прямое следствие развития человеческого разума и отвержения заблуждений, иллюзий – основополагающего элемента внутренней жизни представителей первобытного человечества, для которых память о великих деяниях и неиссякаемой активности почивших «является лучшим знаком уважения, какое следует оказывать праху умерших. Ничто не должно ослаблять и умалять представления об их мощи» [Сталь, 1969, с. 139]. Продолжая рассуждение мадам де Сталь, Леопарди подчеркивал, что древние «выражали свое отчаяние ужаснейшими жестами и действиями, и несчастья их выводили из себя и убивали» [Леопарди,

¹ Сегодня чаще используются наименования «Лаокоон» и «Ниобея». – Д. А.

² «L'espressione del dolore antico, per esempio nel Laocoonte, nel gruppo di Niobe, nelle descrizioni di Omero ec., doveva essere per necessità differente da quella del dolor moderno» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 106].

³ Здесь и далее, если не оговорено иное, цитаты из романа «Коринна, или Италия» даются в переводе М.Н. Черневич.

2000, с. 210]¹, ведь «то было горе, не знающее исцеления, как знает его наше горе, несчастья постигали древних не как неизбежно присущие нашей природе и ничтожные в этой несчастной жизни, но как помехи, противостоящие тому счастью, которое не казалось древним, в отличие от нас, пустой грезой» [Леопарди, 1978, с. 322]² (отсюда повышенное внимание в его творчестве к теме самоубийства; самоубийство – попытка устранить несчастье, ярко раскрывающая характер древнего человека).

По мнению Леопарди, мадам де Сталь «пожелала уподобить склад характера» главной героини этого романа «нравам» древних настолько, «насколько это совместимо с современными обычаями и взглядами, которыми она щедро ее наделила» [Леопарди, 2000, с. 210]³. Коринна, таким образом, представляется Леопарди персонажем, воплощающим древний характер, которому присуща неспособность совладать с миром своих чувств. В начале этого рассуждения он отталкивается от цитаты из романа⁴, в которой Коринна делится с Освальдом тем, что она не в силах подавить завладевшее ею переживание. По логике итальянского поэта, древние люди (и Коринна), если испытывали боль, не имели возможности облегчить ее философией и сознанием горькой правды о реальности, а потому она захватывала их полностью. Желая избавиться от нее, они были способны совершить самоубийство, дойдя до крайней степени расстройств. Если же они испытывали счастье, то оно было безграничным. Древний человек, «следуя при-

¹ «...esprimevano la loro disperazione cogli atti e le azioni più terribili, e la sventura li mandava fuori di se stessi e gli uccideva...» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 115]. Здесь и далее, если не оговорено иное, цитаты из «Дневника размышлений», содержащиеся в книге «Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли» [Леопарди, 2000], даются в переводе Н.А. Ставровской.

² «Quello era un dolore senza medicina, come ne ha il nostro: non sopravvenivano le sventure agli antichi come necessariamente dovute alla nostra natura, ed anche come un nulla in questa misera vita, ma come impedimenti e contrasti a quella felicità che agli antichi non pareva un sogno, come a noi pare» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 106].

³ «...al carattere dei quali l'autrice ha voluto ravvicinare quello di Corinna quanto era compatibile coi costumi e la filosofia moderna, di cui l'arricchisce a piena mano...» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 115].

⁴ «“Je vous l'ai dit souvent, la douleur me tuerait; il y a trop de lutte en moi contre elle; il faut lui céder pour n'en pas mourir” dice Corinna presso la Staël, liv.14, ch. 3, t. II, p. 361 dell'edizione citata qui dietro» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 114]. Ср.: «Я нередко вам говорила, что горе может убить меня; я слишком бурно встаю против него, с ним надо смириться, не то можно умереть» [Сталь, 1969, с. 248].

рожденному инстинкту, – отмечает Леопарди, – не совсем еще загубленному, стремился к счастью – не призрачному, а реальному, и находил приятность там, где это было предусмотрено природой, то есть в удаче, а не в неудаче, каковая если их и постигала, то они считали ее своей личной, а не всеобщей и неизбежной» [Леопарди, 2000, с. 210]¹, как это представляется современным людям, относящимся к своим невзгодам более взвешенно и принимающим их как данность. Подобное восстановление древнего отношения к жизни на современный лад и стало большим достижением писательницы. К тому, чтобы воплотить нечто подобное в своем творчестве, его побудил, как можно убедиться, именно роман мадам де Сталь «Коринна, или Италия».

В качестве попытки воплощения этой идеи приведем стихотворение «Последняя песнь Сафо» (*Ultimo canto di Saffo*), написанное в мае 1822 г. [Leopardi, 2018, p. 226]. Обращение к личности Сафо тоже не случайно, поскольку Леопарди был явно осведомлен о «некрасивости» древнегреческой поэтессы. Известно, что Леопарди не считал красивым и себя (присовокупим еще болезни, которым он был подвержен). О внешности мадам де Сталь в «Дневнике размышлений» есть замечание следующего содержания: «Мадам де Сталь не была хороша собой: в такой душе, как ее, это обстоятельство [необходимость изображения персонажей внешне привлекательных в художественном произведении] должно было вызвать бессчетное множество возвышенных мыслей и чувств, никем еще не описанных, глубоких, чувствительных» [Леопарди, 1978, с. 378]². Фигура Сафо привлекала Леопарди тем, что сведения о ее биографии соотносились с деталями биографии мадам де Сталь и его собственной.

Это стихотворение вполне поддается той интерпретации, какую предложил Леопарди образу Коринны, с той лишь разницей, что в его основу положен не современный персонаж, воплощающий древний характер, а историческая или легендарная личность, в которой проступают черты современности. Текст можно условно

¹ «...secondo l'istinto della natura non ancora del tutto alterata, correvano sempre dritto alla felicità, non come a un fantasma, ma cosa reale, e trovavano il loro diletto dove la natura primitivamente l'ha posto, cioè nella buona e non nella cattiva fortuna, la quale quando loro sopravveniva la riguardavano come propria, non come universale e inevitabile» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 115].

² «Madama di Staël non era bella: in un'anima come la sua questa circostanza avrà prodotto mille pensieri e sentimenti sublimi, nuovissimi a scriverli, profondissimi, sentimentatissimi» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 1095–1096].

поделить на две части, в которых особую функцию выполняют личные местоимения¹. Написанные либо от первого лица единственного числа, либо о себе же в третьем лице строки, в которых выражается мучение самого лирического героя – поэтессы Сафо, воплощают идею древнего мировосприятия, в рамках которого постигнувшее человека бедствие ощущается как сугубо индивидуальное и препятствующее достижению счастья на земле, в то время как в строках, написанных от первого лица множественного числа, в уста говорящего вложены реплики, характерные для состояния современника Леопарди, расценивающего несчастья не столько как свои, сколько как всеобщие. Примером первого случая служит вторая строфа и начало третьей:

Прекрасен твой, божественное небо,
Свод, и прекрасна ты, земля в росе.
Ах, рок и боги ничего не дали
В удел несчастной Сафо из красоты
Бескрайной. В пышный впущенная твой
Чертог, природа, я, как гость презренный,
Как скучная любовница, напрасно
Тянусь к великолепию твоему
Душой и взором. Нет, не мне смеется
Луч солнечный иль утренняя ясность,
Из врат эфирных встав; и не меня
Песнь пестрых птиц приветствует и шепот
Рощ буковых; и коль под сенью ив
Склоненных чистый катится ручей,
То, стоит соскользнуть к нему стопе,
С пренебреженьем он отводит влагу
И, прочь стремя свой бег,
Виясь, теснит благоуханный брег.

Каким проступком гнусным до рождения
Запятнана, какой виной, что кажут
Мне небо и фортуна лик враждебный?
Чем согрешила в возрасте я детском,
Безгрешном, что лишённая цветов
И юности кудель годов бежала
К веретену неумолимой Парки,
Темнея?.. [Леопарди, 1989, с. 58–59]²

¹ О точках зрения в поэзии Леопарди см.: [Blasucci, 2017].

² «Bello il tuo manto, o divo cielo, e bella / Sei tu, rorida terra. Ah! di cotesta / Infinita beltà parte nessuna / Alla misera Saffo i numi e l'empia / Sorte non fenneo.

В середине третьей строфы анжамбеманом («...Кроме скорби, / Всё тайна...» [Леопарди, 1989, с. 59]¹) вводится вторая выделенная нами линия поэтического сюжета, сохраняющаяся и в начале четвертой строфы. Однако предложенное истолкование не претендует на общеобязательность и всеохватность, поскольку в последней строфе лишение «обманов» (*gl'inganni*) и «грез детства» (*il sogno della mia fanciullezza*), невозможное в древности, воспринимается Сафо как сугубо личная и осознаваемая потеря, которая всё же объясняется тем, что «нашей жизни дни / Чем радостней, тем раньше отлетают» (курсив наш. – Д. А.) [Леопарди, 1989, с. 60]². Общее же движение текста, если иметь в виду, что лирический герой кончает жизнь самоубийством, свидетельствует о том, что его понимание в предпринятом нами ключе оправдано.

Как видим, некоторые мотивы книги отозвались в определенный момент в самом Леопарди в связи с его жизненными обстоятельствами и привлекли его философским взглядом на характер древних людей, но поэт, как уже говорилось, также глубоко воспринял рассуждения об искусстве в романе «Коринна, или Италия», в частности то, в котором музыка ставится превыше остальных видов искусства.

Чувствительность (*sensibilità*), став в современности единственным предметом подлинного искусства³, наиболее непосред-

A' tuoi superbi regni / Vile, o natura, e grave ospite addetta, / E dispregiata amante, alle vezzose / Tue forme il core e le pupille invano / Supplichevole intendo. A me non ride / L'aprico margo, e dall'eterea porta / Il mattutino albor; me non il canto / De' colorati augelli, e non de' faggi / Il murmure saluta: e dove all'ombra / Degl'inchinati salici dispiega / Candido rivo il puro seno, al mio / Lubrico piè le flessuose linfe / Disdegnando sottragge, / E preme in fuga l'odorate spiagge. // Qual fallo mai, qual sì nefando eccesso / Macchiommi anzi il natale, onde sì torvo / Il ciel mi fosse e di fortuna il volto? / In che peccai bambina, allor che ignara / Di misfatto è la vita, onde poi scemo / Di giovinezza, e disfiurato, al fuso / Dell'indomita Parca si volvesse / Il ferrigno mio stame?..» [Leopardi, 2018, p. 230–233]. Здесь и далее, если не оговорено иное, переводы стихотворений Леопарди даются по изданию «Избранные произведения» [Леопарди, 1989] в переводах А.А. Ахматовой и А.Г. Наймана. По нашему убеждению, русский текст приводимых в дальнейшем цитат не имеет больших погрешностей против смысла оригинала. Вопрос об авторстве переводов остается открытым [Рубинчик, 2024], поэтому указывать имя А.А. Ахматовой или А.Г. Наймана под конкретным текстом нам показалось нерационально. Для удобства будем считать переводы плодом их коллективной работы.

¹ «...Arcano è tutto, / Fuor che il nostro dolor...» [Leopardi, 2018, p. 234].

² «...Ogni più lieto / Giorno di nostra età primo s'involà» [Leopardi, 2018, p. 236–237].

³ Леопарди считал, что в древности главным методом поэтов было воображение (*immaginazione*), а сегодня вследствие испорченности природы человека,

ственным образом передается через музыку, которая «подражает самому чувству и только его выражает» [Леопарди, 1978, с. 324]¹. В отличие от музыки, «слово в поэзии <...> производит всегда вторичное, не столь непосредственное впечатление, потому что слова, как и знаки и образы в живописи и скульптуре, имеют определенное и конечное значение» [Леопарди, 1978, с. 324]². В этом же отрывке из «Дневника размышлений» Леопарди отсылает ко второй главе девятой книги «Коринны», где герои размышляют о природе музыки и отмечают, что она «более всех искусств непосредственно влияет на душу. Другие искусства вызывают те или иные мысли; но музыка обращается к самым глубинным истокам бытия и может перевернуть весь наш внутренний мир» [Сталь, 1969, с. 159]. Эта же цитата, взятая из романа мадам де Сталь, включается Леопарди в рассуждение [Леопарди, 1978, с. 324; Leopardi, 1957, vol. 1, p. 108]. Проводимое Леопарди сравнение музыки с другими искусствами и словесностью, кроме того, навеяно мыслью, которая встретится в тексте чуть дальше: «Музыка ласково снимает бремя с души у того, кто умеет глубоко и серьезно чувствовать, то бремя, которое словно слилось с существом человека – столь оно привычно ему, и когда мы слышим чистые пленительные звуки, нам кажется, что мы вот-вот постигнем загадку божества и проникнем в тайны бытия. Никакое слово не может выразить это душевное состояние, ибо слова медленно следуют за первоначальными впечатлениями, подобно переводчикам, которые тщатся воспроизвести в прозе творения поэтов» [Сталь, 1969, с. 159–160].

Идея, что музыка есть само выражаемое человеком чувство (чрезвычайно распространенный романтический топос³), также отразилась в поэзии Леопарди тех лет, например в стихотворении «Вечер праздничного дня» (*La sera del dì di festa*), сочиненном весной 1820 г. [Leopardi, 2018, p. 275]. В этом тексте выражается доса-

ее изменения следует писать только лирические произведения, в которых воплощается искреннее чувство автора, так как истинное воображение было утеряно и более недоступно. Его мнение часто сравнивают с рассуждениями Ф. Шиллера в работе «О наивной и сентиментальной поэзии».

¹ «...la musica non imita e non esprime che lo stesso sentimento» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 108].

² «...la parola nella poesia <...> producendo un'impressione sempre secondaria e meno immediata, perché la parola, come i segni e le immagini della pittura e scultura, hanno una significazione determinata e finita» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 108].

³ Подробнее о топосе музыкального / трансмузыкального в культуре романтизма см.: [Махов, 2005, с. 57–68; Махов, 2017, с. 47–163].

да от неразделенной любви, которая перерастает во вселенскую печаль по дням ушедшим – не только праздничному дню, которому посвящено стихотворение, но и историческим эпохам и всей человеческой жизни, обреченной на исчезновение. После восклицания, которое лирический герой не был способен сдержать, от безысходности своего положения (невзаимности чувств возлюбленной) вводится мотив песенки прохожего, улавливаемой слухом:

...Но не вдалеке
С дороги песенка слышна простая
Ремесленника, поздней ночью – после
Вечернего веселья – в бедный домик
Идущего; и горечь полнит сердце
При мысли, что на свете все проходит,
Следа не оставляя...

[Леопарди, 1989, с. 70]¹

Музыка становится продолжением переживания, возникшего в душе поэта, и воздействует на него непосредственно, особенно когда перестает звучать (это постепенное затихание мелодии «отвечало свойству их [романтиков] слухового восприятия как бы задерживаться, медлить на границе звучания и тишины – затихшие звуки еще долго продолжают вибрировать в сознании» [Махов, 2017, с. 83]), – вне зависимости от возраста:

В дни юности моей, когда я ждал
Так жадно праздничного дня, – и после,
Когда он угасал, – без сна, печальный,
Я крылья опускал²; и поздно ночью,
Когда с тропинки раздавалась песня
И замирала где-то вдалеке, –
Сжималось сердце так же, как теперь.

[Леопарди, 1989, с. 70]³

¹ «...Ahi, per la via / Odo non lunge il solitario canto / Dell'artigian, che riede a tarda notte, / Dopo i sollazzi, al suo povero ostello; / E fieramente mi si stringe il core, / A pensar come tutto al mondo passa, / E quasi orma non lascia...» [Leopardi, 2018, p. 281–283].

² Здесь в переводе содержится фактическая ошибка. Фразой «крылья опускал» переводится выражение *premea le piume*, которое на самом деле означает «мял перину» (находясь в кровати).

³ «Nella mia prima età, quando s'aspetta / Bramosamente il dì festivo, or poscia / Ch'egli era spento, io doloroso, in veglia, / Premea le piume; ed alla tarda note / Un canto che s'udia per li sentieri / Lontanando morire a poco a poco, / Già similmente mi stringeva il core» [Leopardi, 2018, p. 284–286].

Связь поэтического творчества Леопарди с книгой «Коринна, или Италия» мадам де Сталь, таким образом, при наличии прямых ссылок на нее в «Дневнике размышлений», очевидна. Рецепция этого романа, во-первых, привела к оригинальной интерпретации поэтом поведения главной героини романа и выработке специфического творческого метода, примененного в стихотворении «Последняя песнь Сафо», и, во-вторых, к усвоению романтических мотивов и топосов, использующихся в его собственных стихах.

Чуть ранее, в начале 1819 г., Леопарди познакомился со знаменитым романом в письмах Гёте «Страдания юного Вертера» [Bobbio, 1964, p. 186]. В семейной библиотеке Леопарди присутствовал перевод этого произведения на итальянский язык, опубликованный в 1796 г. [Natale, 2016].

Значительный интерес представляет история переводов романа в Италии – не только сама по себе, но и в контексте его рецепции Леопарди. Впервые на итальянском языке он появился в 1782 г. [Goethe, 1782]. Переводчиком был Гаэтано Грасси, который воспользовался в своей работе французской версией романа [Biagi, 2015, p. 146]. В 1788 г. в Лондоне вышел перевод романа на итальянский непосредственно с немецкого языка, подготовленный Корrado Людгером [Goethe, 1788a]. Второй, по объективным причинам (ввиду географической отдаленности), не имел в Италии ни успеха, ни особого распространения. Третий перевод, в свою очередь, был закончен литератором Микелем Саломом (1751–1837) в том же 1782 г., что и перевод Грасси, однако был напечатан под псевдонимом D.M.S. (Dottor Michiel Salom) только в 1788 г. в Венеции [Goethe, 1788b] (в 1796 г. – переиздан [Goethe, 1796]). Перевод не смогли напечатать раньше по цензурным соображениям: из-за еврейского происхождения автора и подозрений его в симпатии к якобинцам [Biagi, 2015, p. 148]. Несмотря на трудности с выходом книги, этот перевод приобрел довольно широкую известность и в издании 1796 г. был доступен как У. Фосколо, на которого роман Гёте оказал сильнейшее влияние, так и Леопарди [Sisto, 2021, p. 90; Biagi, 2021, p. 133].

Все переводчики представили произведение Гёте исключительно как эпистолярный роман, столь популярный в ту пору, не увидев или не пожелав увидеть в нем пародию на повсеместно распространенные в конце XVIII в. сентиментальные книги. Как утверждает Д. Бьяджи, «горизонт ожиданий читателей, который Гёте намеренно сломал, нарушив риторические условности того времени, на самом деле был систематически восстановлен переводами» [Biagi, 2015, p. 160]. В пассаже из «Дневника размышле-

ний», касающемся «Страданий юного Вертера», Леопарди замечает, что «многие из тех, кто читает романы, сентиментальные книги и т.д., либо приобретают ложную чувствительность, не имея ее, либо портят истинную, которая у них была» и что он, «всегда смертельнейший враг нарочитости, особенно во всём, что касается привязанностей души и сердца, тщательно избегал того, чтобы заражаться этим видом недуга, и всегда старался оставить природу совершенно свободной и прихотливой деятельницей и т.д.» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 94]¹. Восприятие Леопарди было, действительно, продиктовано восстановленной в переводе эстетикой сентиментализма.

Помимо того, что он как бы восстает против «цели», которую преследует сентименталистская литература, в данном отрывке обозначенная нами в связи с книгой мадам де Сталь проблема чтения получает дальнейшее развитие. В отличие от людей, которые попадают под влияние литературного произведения и начинают смотреть на мир как бы через его призму, Леопарди закрепляет за собой право на субъективность рецепции и сохранение собственного взгляда, который в процессе чтения сталкивается с точкой зрения автора того или иного сочинения. Чтение книг в его случае никогда не приводило к появлению новых привязанностей и чувств, несвойственных его натуре. Лишь те, что и так присутствовали в душе поэта, быстрее достигали своего апогея. «Например, в любви, – пишет Леопарди, – отчаяние часто приводило меня к сильному желанию убить себя: оно, несомненно, привело бы меня туда само по себе, и я чувствовал, что это желание исходило из сердца и было моим собственным и родным, а не заимствованным, но в равной степени я, кажется, чувствовал, что оно возникло так быстро потому, что из недавнего чтения “Вертера” я знал, что такого рода любовь и т.д. кончается именно так» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 95]². В этом смысле обращение к сцене самоубийства Са-

¹ «Molti sono che dalla lettura de' romanzi, libri sentimentali ec., o acquistano una falsa sensibilità non avendone, o corrompono quella vera che avevano. Io sempre nemico mortalissimo dell'affettazione, massimamente in tutto quello che spetta agli affetti dell'animo e del cuore, mi sono ben guardato dal contrarre questa sorta d'infermità, e ho sempre cercato di lasciar la natura al tutto libera e spontanea operatrice ec.»

² «Per esempio, nell'amore la disperazione mi portava più volte a desiderar vivamente di uccidermi: mi ci avrebbe portato senza dubbio da se, ed io sentivo che quel desiderio veniva dal cuore ed era nativo e mio proprio, non tolto in prestito, ma egualmente mi pareva di sentire che quello mi sorgea così tosto perché dalla lettura recente del Werter sapevo che quel genere di amore ec. finiva così...».

фо по причине неразделенной любви выглядит закономерным следствием чтения романа «Страдания юного Вертера» и связано с собственным пережитым ощущением.

Тем не менее Leopardi интересуют не только характерные для жанра сентиментальной литературы сюжетные повороты, вызывающие в нем сочувствие, но и мысли, высказываемые автором на страницах его сочинения. В «Дневнике размышлений» поэт оставляет еще одну короткую запись по поводу чтения романа Гёте: «Что касается воображения детей по сравнению с поэзией древних, смотри очень верное замечание Вертера в конце письма 50¹» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 86]². Эта реплика, как увидим далее, указывает на то, что Leopardi нашел у Гёте разделяемую им и получившую после Дж. Вико довольно широкое распространение как в интеллектуальной культуре XVIII–XIX вв., так и в письменном наследии Leopardi в частности³ идею о том, что человек изначально рождается естественным и в детстве способен переживать такое же состояние, как у древних. «Детские вымыслы, – определяет поэт в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии», – и детское воображение, это вымыслы и воображение древних, а воспоминания о наших ранних годах и наши первые мысли, любить которые и тосковать по которым нас влечет с такой неудержимой силой, – это те воспоминания и мысли, какие будит в нас подражание чистой, нетронутой природе, те, которые может и, на наш взгляд, должен пробуждать в нас поэт, которые и пробуждают в нас древние» [Leopardi, 1978, с. 246]⁴. Именно с именем Вико связывают концепцию, состоящую в том, что каждый отдельный человек проходит те же стадии развития, что и человечество, и именно в этом ключе нужно понимать следующее выска-

¹ В современных изданиях «Страданий юного Вертера» это письмо от 9 мая стоит по счету 53, а нумерация, как правило, отсутствует. Leopardi в данном случае дает ссылку на издание 1796 г., в котором это письмо, вероятно, стоит под указанным номером.

² «Circa le immaginazioni de' fanciulli comparate alla poesia degli antichi, vedi la verissima osservazione di Werther sul fine della lettera 50».

³ Подробнее см.: [Placella, 1978].

⁴ «...le immagini fanciullesche e la fantasia che dicevamo, sono appunto le immagini e la fantasia degli antichi, e le ricordanze della prima età e le idee prime nostre che noi siamo così gagliardamente tratti ad amare e desiderare, sono appunto quelle che ci ridesta l'imitazione della natura schietta e inviolata, quelle che ci può e secondo noi ci deve ridestare il poeta, quelle che ci ridestano divinamente gli antichi» [Leopardi, 1949, p. 481]. Цитата из «Рассуждения итальянца о романтической поэзии» дается в переводе С.А. Ошерова.

зывание Леопарди о себе: «на стихотворном поприще мой дух прошел ту же ступень, что и человеческий дух в целом» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 161]¹.

В упомянутом Леопарди письме из романа Гёте описывается возвращение главного героя домой после продолжительного отсутствия. Места, в которых он провел детство, вызвали «самые неожиданные чувства»². Естественно, что ему захотелось осмотреться вокруг и, «идя пешком, вволю насладиться воспоминаниями»³, которым посвящено дальнейшее повествование. Так, он остановился возле липы, «которая в детстве была целью и пределом» его «прогулок»⁴ и под которой он «часами просиживал»⁵, взглянул на «горный кряж, столько раз бывший средоточием» его «желаний»⁶, прошел вдоль реки, за которой он наблюдал, «мысленно предвосхищая ее путь, рисуя себе всякие чудеса о тех краях, куда она течет, и хотя воображение» его «быстро иссякало», он «стремился всё дальше и, наконец, совсем терялся в созерцании невидимых далей»⁷. Тогда, в далеком прошлом, Вертер хотел попасть в «незнакомый» ему «мир, где чаял найти столько пищи для сердца, столько радостей, насытить и умиротворить» свою «алчу-

¹ «...nella carriera poetica il mio spirito ha percorso lo stesso stadio che lo spirito umano in generale».

² «...molte sensazioni inaspettate...» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 33]. Здесь и далее цитаты на итальянском языке приводятся в переводе М. Саломе, изданном в 1788 г. К сожалению, доступ к книге 1796 г. нам получить не удалось. Все цитаты на русском языке приводятся по изданию «Страдания юного Вертера» [Гёте, 2001] в переводе Н.Г. Касаткиной. Цитаты из итальянского текста, опубликованного в XVIII в., и русского текста, опубликованного в XXI в., приводятся нами с осторожностью и выдержками, в которых смысловые расхождения практически отсутствуют. Выражаем искреннюю благодарность создателям и кураторам сайта www.ltit.it, воспользовавшись которым, мы смогли ознакомиться с оцифрованным изданием 1788 г.

³ «...per gustare di bel nuovo a piedi ogni antica memoria» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 33].

⁴ «...era stato nella mia fanciullezza meta e confine de' miei passeggi» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 34].

⁵ «Posai dunque sotto a quell'arbore...» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 34].

⁶ «Io mi vedeva dinanzi le montagne, che mille volte avevano formato l'oggetto de' desiderii miei» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 34].

⁷ «...guardando dietro alla corrente, con quale strano pensiero io la seguiva, com'io m'andava immaginando i romanzeschi paesi ch'essa doveva bagnare, come la mia fantasia restava in breve languida, e spostata, mentre ch'io pur cercava di spingerla sempre più oltre, infino a tanto ch'io mi perdeva nell'oscura visione d'una invisibile immensità» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 35].

щую, мятежную душу»¹, «рвался» в представавшие перед ним просторы², «жаждал слиться душой с лесами и долинами, являвшимися» его «взорам в такой заманчивой дымке»³, и вовсе не подозревал, что в будущем вернется в родные края «из дальнего мира с тяжким бременем несбывшихся надежд и разрушенных намерений»⁴ [Гёте, 2001, с. 101–102].

Момент, на который ссылается Леопарди, действительно, обнаруживается ближе к концу письма и представляет собой риторическое восклицание, обращенное к другу: «Вот видишь ли, мой милый, так же ограничены в своем кругозоре и так же счастливы были наши исполины-праотцы!» [Гёте, 2001, с. 102–103]. В итальянском переводе это предложение дается еще более лаконично: «Вот тебе, Друг, верный пример, как чувствовали во времена священной старины (*veneranda antichità*)» (перевод наш. – Д. А.) [Goethe, 1788b, p. 36]⁵. Детское восприятие окружающего мира и в романе Гёте приравнивается к древнему.

Довольно позднее стихотворение под соответствующим названием «Воспоминания» (*Le ricordanze*), датированное августом-сентябрем 1829 г. [Leopardi, 2018, p. 408], представляет собой рефлексии по поводу детских ощущений, характерную и для книги «Страдания юного Вертера». Лирический герой данного текста, подобно юноше из Гётевского романа, погружается в мир дорогих сердцу образов. Например, в предсмертном письме Вертер обращается к возлюбленной Лотте и отдается душой картинам, с которыми были связаны его отношения с ней. Прежде всего, в глаза ему бросается ночное небо, на котором он, когда по вечерам уходил от нее, видел «звезды Большой Медведицы, самого милого из всех созвездий», ведь в те моменты «оно сияло прямо» над ним⁶. Именно оно отложилось в его памяти в качестве «знамения и свя-

¹ «...io desiderava allora d'entrare nello sconosciuto mondo, dove mi lusingava che il mio core trovato avrebbe tutto l'alimento, e tutto il contento di cui mi sentiva spesso abbisognare» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 33].

² «Io mi stava assiso le ore intiere contemplandole coll'ardente brama d'oltrepassarle...» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 34].

³ «...coll'anima volenterosa di smarrirmi per quelle foreste e per que' valloni, che mi si presentavano in sì vago e sì confuso prospecto...» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 34].

⁴ «Dal gran mondo io ritornava ora, ed, oh amico, con quante speranze tronche, con quanti piani annullati!» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 33].

⁵ «Eccoti, Amico, precisamente il modo di sentire della veneranda antichità».

⁶ «Vidi anco il Carro della grand'Orsa, constellazion la più cara; quand'io veniva alla tua porta, quand'io partiva da te la sera, essa mi stava lampeggiando in faccia...» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 125].

щенного символа» его «блаженства»¹ [Гёте, 2001, с. 172]. Созвездие Большой Медведицы² становится отправным пунктом в избранном нами стихотворении:

Медведицы мерцающие звезды
Не думал я, что снова созерцать
Привычно буду вас над отчим садом
И с вами разговаривать из окон
Того приюта, где я жил ребенком
И радостей своих конец увидел.
Ваш и светил, вам равных, вид – какие
В моем сознание образы, какое
Рождал безумье некогда!.. [Леопарди, 1989, с. 101]³

Подобно Вертеру, проводившему часы под любимой липой, лирический герой в детские годы своей жизни «на зеленом дерне / Почти весь вечер проводить любил», «на небо глядя» [Леопарди, 1989, с. 101]⁴. Мотив стремления к таинственному и далекому пейзажу, словно сошедшему с полотен К.Д. Фридриха, – к прекрасным вершинам гор – также повторяется в стихах:

...И сколько мыслей
Огромных, сколько сладких снов внушал мне
Вид моря дальнего и гор лазурных –
Их вижу я отсюда, их когда-то
Мечтал преодолеть я, чтоб достичь
Какого-то таинственного мира,
Таинственного счастья для себя! [Леопарди, 1989, с. 101]⁵

¹ «...sacra testimonianza della mia felicità» [Goethe, 1788b, pt. 2, p. 125].

² Во время Международной научной конференции «Традиция в литературе и искусстве (Вторые Николоукинские чтения)», состоявшейся 5–6 июня 2025 г. в ИНИОН РАН, в докладе Т.Г. Юрченко «“Кошачьи” сонеты Торквато Тассо» было озвучено стихотворение, в котором тоже вводится образ Большой Медведицы. Удивительное совпадение, не столь редкое в мировой литературе, могло бы послужить стимулом к тому, чтобы рассмотреть в отдельной работе функционирование этого образа в различных культурных традициях Европы – не только романтического периода, но и более ранних и поздних.

³ «Vaghe stelle dell'Orsa, io non credea / Tornare ancor per uso a contemplarvi / Sul paterno giardino scintillanti, / E ragionar con voi dalle finestre / Di questo albergo ove abitai fanciullo, / E delle gioie mie vidi la fine. / Quante immagini un tempo, e quante fole / Creommi nel pensier l'aspetto vostro / E delle luci a voi compagne!..» [Leopardi, 2018, p. 409–410].

⁴ «...allora / Che, tacito, seduto in verde zolla, / Delle sere io solea passar gran parte / Mirando il cielo...» [Leopardi, 2018, p. 410].

⁵ «...E che pensieri immensi, / Che dolci sogni mi spirò la vista / Di quel lontano mar, quei monti azzurri, / Che di qua scopro, e che varcare un giorno / Io mi

Налицо тот же мотив тоски по детскому / древнему взгляду на окружающую действительность, утерянному в процессе взросления и неизбежного формирования собственного духа по лекалам современной культурной среды начала XIX в. Факт обладания им остался только в виде наиболее ранних воспоминаний:

О милые обманы и надежды
Тех первых лет моих; сбиваюсь я
Всегда на разговор о вас; ни бег
Мгновенных лет, ни смена чувств и мыслей
Забуть вас не заставили...

[Леопарди, 1989, с. 103]¹

Надежды же, морально подпитывавшие лирического героя, безвозвратно утрачены («...смерть – / Вот всё, что от былых надежд осталось» [Леопарди, 1989, с. 103–104]²).

В письме от 18 августа книги первой главный герой романа также предается воспоминаниям, но уже философски осмысляет некогда бывшие приятными моменты созерцания природы. В смятение его приводит не только необратимость внутренних изменений, но и бессмысленность существования живых существ, обреченных на гибель без всякой на то причины, в неостановимом и бесцельном потоке времени. Он вопрошает: «Можешь ли ты сказать: “Это есть”, когда всё проходит, когда всё проносится с быстротой урагана, почти никогда не исчерпав все силы своего бытия, смывается потоком и гибнет, увы, разбившись о скалы?»³ [Гёте, 2001, с. 72–73]. Если «старание воскресить те невыразимые чувства», которыми Вертер был полон в прошлом, и «высказать их возвышает»⁴ его душу, «а потом заставляет» «вдвойне ощущать

pensava, arcani mondi, arcana / Felicità fingendo al viver mio!» [Leopardi, 2018, p. 411–412].

¹ «O speranze, speranze; ameni inganni / Della mia prima età! sempre, parlando, / Ritorno a voi; che per andar di tempo, / Per variar d'affetti e di pensieri, / Obbliarvi non so...» [Leopardi, 2018, p. 421].

² «...e che la morte è quello / Che di cotanta speme oggi m'avanza» [Leopardi, 2018, p. 422].

³ «Puoi tu mai dire: questo è: mentre che tutto trapassa, che tutto rapidamente rotola col tempo veloce, sostenendolo di rado tutte le forze unite della esistenza, le quali, ahimè! strascinate sono dal flutto, o sommerse ed infrante contro gli scogli» [Goethe, 1788b, pt. 1, p. 93].

⁴ «...mi dà forza d'esprimerle, questa medesima, elevando l'anima mia sopra le stessa...» [Goethe, 1788b, pt. 1, p. 92].

весь ужас» своего «положения»¹ [Гёте, 2001, с. 72], поскольку его, равно как и эти красочные воспоминания, ждет незавидная судьба – кануть в Лету, то в стихотворении подобным образом к «сладости» блуждания в воспоминаниях примешивается «боль», которую вызывают «о настоящем мысль, тоска пустая, / Грусть по былому и слова “Я был”» [Леопарди, 1989, с. 103]².

В детстве / древности «вещей чудовищная тайна», раскрытая в романе Гёте до мельчайших деталей³ и внушившая страх Вертеру, «нам видится исполненной блаженства» [Леопарди, 1989, с. 103]⁴ и влечет к себе с неудержимой силой неискушенное в

¹ «...fa ch'io senta doppiamente il deplorabile angora della mia presente situazione» [Goethe, 1788b, pt. 1, p. 92].

² «...con dolor sottomenta / Il pensier del presente, un van desio / Del passato, ancor tristo, e il dire: io fui» [Leopardi, 2018, p. 417–418]. Интересную интертекстальную параллель к этому месту также можно найти в шестнадцатой песни «Ада» Данте: «Però, se campi d'esti luoghi bui / e torni a riveder le belle stelle, / quando ti gioverà dicere “I’ fui”, / fa che di noi a la gente favelle» (Inf., XVI, 82–84) («Да узришь снова красоту светил, / Простясь с неозаренными местами! / Тогда, с отрадой вспомянув: “Я был”, / Скажи другим, что ты выдался с нами!» – *Пер. М.Л. Лозинского*).

³ Ср.: «Нет мгновения, которое не пожирало бы тебя и твоих близких, нет мгновения, когда бы ты не был, пусть против воли, разрушителем! Безобиднейшая прогулка стоит жизни тысячам жалких червячков; один шаг сокрушает постройки, кропотливо возведенные муравьями, и топчет в прах целый мирок. О, нет, не великие, исключительные всемирные бедствия трогают меня, не потопа, смывающие ваши деревни, не землетрясения, поглощающие ваши города: я не могу примириться с разрушительной силой, сокрытой во всей природе и ничего не создавшей такого, что не истребляло бы своего соседа или самого себя. И я мечусь в страхе. Вокруг меня животворящие силы неба и земли. А я не вижу ничего, кроме всепожирающего и всеперемалывающего чудовища» [Гёте, 2001, с. 73] («Non passa punto, che non consumi te stesso, ed i più cari che ti s'avvicinano; non punto, in cui tu distruttore non sia, e il devi; il più innocente sconsiderato passeggio costa la vita a mille e mille poveri vermicelli; un passo stermina l'edifizio della laboriosa formica, ed avviluppa un picciolo mondo in un vergognoso sepolcro. Ah! non son già le grandi, e le stupende calamità del globo, non i rovinosi flutti che terminano le vostre campagne, non i tremuoti che inghiottono le città vostre son le cose che mi commovono, ma quella forza distruggitrice che giace occulta in tutta quanta la natura, che non formò cos'alcuna la quale non distrugga se stessa e ciò che tocca, questo, questo mi rode il core lentamente. In tal guisa ansante e tremebondo, attorniato dal cielo, dalla terra, e da tutti gli esseri semoventi, non so pur veder altro che uno spaventevole mostro, ch'eternamente ingoia, e che vomita eternamente» [Goethe, 1788b, pt. 1, p. 93–94]. В итальянском тексте видно усиление эмоциональности, подтверждающее мнение Д. Бьяджи о приноровлении перевода романа к сентименталистской литературе).

⁴ «...l'acerbo, indegno / Mistero delle cose a noi si mostra / Pien di dolcezza...» [Leopardi, 2018, p. 419–420].

науках и философии, наивное детское / древнее сознание, не замечающее столь стремительной проходчивости (термин Е.А. Боратынского) нашей жизни. И в романе, и в поэтическом тексте подчеркивается амбивалентность процесса воспоминания¹.

Переключка со «Страданиями юного Вертера» обнаруживается явно², разница заметна лишь в акцентах, которые Леопарди расставляет по-своему. Возлюбленная (так наз. Нерина³) в тексте Леопарди, в отличие от Лотты в романе Гёте, уже ушла из жизни. В заключительных строках стихотворения постулируется неизбывность страдания от потери любимого человека. Сохранившиеся в памяти моменты общения с ним вместо того, чтобы приносить утешение, начинают причинять боль:

...Ты
Прошла, мой вечный вздох, прошла: и стало
Всех грез прелестных спутником, всех чувств,
Всех сладких и глухих движений сердца
Жестокое воспоминанье это

[Леопарди, 1989, с. 106]⁴

В итоге мотив памяти в творчестве Леопарди, отчасти имея истоком роман Гёте, преломляется иначе: даже воспоминание больше не может приносить удовольствие, поскольку то, к чему были устремлены помыслы лирического героя, не просто недоступно, а в принципе прекратило существовать, было изъято из вечно переменчивого и не поддающегося разумению бытия: поэтический сюжет по сравнению с романным становится более трагическим. Память об удовольствии перестает служить утешением в скорбном мире.

Рецепция Леопарди произведений современной литературы, как выясняется, характеризуется обращением к древнему, первоначальному, детскому состоянию человека, умевшего испытывать самые глубокие чувства, которые с течением времени утрачиваются и остаются в виде поначалу сладостных, затем болезненных об-

¹ Замечательное сопоставление романного героя Гёте и лирического героя Леопарди дал Л. Блазуччи в: [Blasucci, 2017, p. 44–51].

² Об указанных нами и иных параллелях между текстами см.: [Massano, 1964, p. 415–420].

³ По поводу образа Нерины см.: [Camilletti, 2010].

⁴ «...Ahi tu passasti, eterno / Sospiro mio: passasti: e fia compagna / D'ogni mio vago immaginar, di tutti / I miei teneri sensi, i tristi e cari / Moti del cor, la rimembranza acerba» [Leopardi, 2018, p. 432–433].

разов, воскрешаемых в памяти. При особом отношении к классическим античным и итальянским авторам Леопарди усвоил в процессе чтения мадам де Сталь и Гёте особенности романтической литературы, воплотившиеся, как было показано, в личном творчестве поэта, среди которых автобиографичность, обращение к древности и детству как к свидетельствам естественного человеческого состояния и запечатление в поэтическом тексте искреннего чувства (через трансмузыкальную топику и мотив памяти), необходимого для воздействия художественного произведения на читателя.

Список литературы

Аникст А.А. О жизни и творчестве Жермены де Сталь // *Сталь А.Л.Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями* / вступ. статья А.А. Аникста ; пер. с франц. В.А. Мильчиной. – Москва : Искусство, 1989. – С. 7–34. – (История эстетики в памятниках и документах).

Арефьев Д.А. «Vedi il mio discorso sui romantici» : классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 1. – С. 9–27. – DOI: 10.31249/lit/2025.01.01

Гёте И.В. Страдания юного Вертера / изд. подгот. Г.В. Стадников. – Москва : Наука, 2001. – 251 с. – (Литературные памятники).

Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / отв. ред. А.В. Федоров. – Ленинград : Наука, 1985. – 299 с.

Леопарди Дж. Избранные произведения / сост. и вступ. ст. Н.Б. Томашевского ; коммент. Н.Б. Томашевского и С.А. Ошерова. – Москва : Художественная литература, 1989. – 302 с.

Леопарди Дж. Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли / общ. ред., сост. и вступ. ст. Е.Ю. Сапрыкиной. – Москва : Республика, 2000. – 448 с.

Леопарди Дж. Этика и эстетика / пер. с итал., сост. и коммент. С.А. Ошерова ; предисл. Б.Г. Реизова. – Москва : Искусство, 1978. – 470 с. – (История эстетики в памятниках и документах).

Махов А.Е. Реальность романтизма : очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. – Тула : Аквариус, 2017. – 305 с.

Махов А.Е. Musica literaria : идея словесной музыки в европейской поэтике. – Москва : Intrada, 2005. – 223 с.

Рубинчик О.Е. Анна Ахматова и ее соавторы за работой над переводами // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 112–125. – DOI: 10.17223/18137083/89/9

Сапрыкина Е.Ю. Леопарди и Петрарка // Франческо Петрарка и европейская культура / отв. ред. Л.М. Брагина ; науч. совет РАН «История мировой культуры». – Москва : Наука, 2007. – С. 191–201.

Сталь А.Л.Ж. де. Коринна, или Италия / изд. подгот. М.Н. Черневич. – Москва : Наука, 1969. – 436 с. – (Литературные памятники).

Томашевский Н.Б. От классицизма к романтизму // Томашевский Н.Б. Традиция и новизна : заметки о литературе Италии и Испании. – Москва : Художественная литература, 1981. – С. 98–140.

Тюпа В.И. Два крыла художественного письма // *Studia litterarum*. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 10–45. – DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-1-10-45

Шетер И. Романтизм. Предыстория и периодизация // Европейский романтизм / отв. ред. И. Неупокоева и И. Шетер ; Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, Институт литературоведения Венгерской академии наук. – Москва : Наука, 1973. – С. 51–89.

Benucci E. La biblioteca di palazzo Leopardi a Recanati // *Biblioteche nobiliari e circolazione del libro tra Settecento e Ottocento : atti del Convegno nazionale di studio* (Perugia, Palazzo Sorbello, 29–30 giugno 2001) / a cura di Gianfranco Tortorelli. – Bologna : Pendragon, 2002. – P. 158–204.

Biagi D. Il caso *Werther-Ortis*. Le manipolazioni della cornice nelle prime traduzioni italiane // *Studi germanici*. – 2015. – N 7. – P. 143–162.

Biagi D. ‘Mirate e giudicate’. Il problema del narratore nelle traduzioni ottocentesche dei romanzi goethiani // *Tra Weltliteratur e parole bugiarde : sulle traduzioni della letteratura tedesca nell'Ottocento italiano* / a cura di Daria Biagi e Marco Rispoli. – Padova : Padova univ. press, 2021. – P. 127–144.

Bigi E. La genesi del *Canto notturno* ad altri studi su Leopardi. – Palermo : Manfredi, 1967. – 214 p.

Biral B. La lettera allo Stella sul Petrarca (13 settembre 1826) // Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – P. 389–398.

Blasucci L. Infinito mentale e realtà cosmica nella poesia leopardiana // *Interminati spazi : Leopardi e L'infinito* / a cura di Alberto Folini. – Roma : Donzelli, 2021. – P. 13–22.

Blasucci L. La svolta dell'idillio e altre pagine leopardiane. – Bologna : Il Mulino, 2017. – 212 p.

Bobbio A.A. Bernardin de Saint-Pierre, *Werther* e l'origine dell'idillio leopardiano // Leopardi e il Settecento : atti del I Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1962). – Firenze : Leo S. Olschki, 1964. – P. 175–222.

Bonifazi N. L'immagine della morte dai *Trionfi* petrarcheschi al *Sogno* leopardiano // Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – P. 399–418.

Bonora E. Leopardi e Petrarca // Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – P. 91–150.

Cadioli A. Leopardi editore delle *Rime di Petrarca* // *Tra lo stil de' moderni e 'l sermon prisco : studi di allievi e amici offerti a Giuseppe Frasso* / a cura di E.R. Barbieri, M. Giola, D. Piccini. – Pisa : ETS, 2019. – P. 441–452.

Cadioli A. La punteggiatura delle *Rime di Petrarca* secondo Leopardi // Per Enrico Fenzi : saggi di allievi e amici per i suoi ottant'anni. – Firenze : Le Lettere, 2020. – P. 543–550.

**Джакомо Leopardi – читатель (пред)романтической литературы:
к вопросу о рецепции романов «Коринна, или Италия»...**

Camilletti F. Il passo di Nerina : memoria, storia e formule di pathos nelle *Ricordanze* // *Italianistica* : rivista di letteratura italiana. – 2010. – Vol. 39, N 2. – P. 41–66.

Catalogo della Biblioteca Leopardi in Recanati // *Atti e memorie della deputazione di storia patria per le province delle Marche*. – Ancona : Morelli, 1899. – Vol. 4. – 447 p.

Catalogo della biblioteca Leopardi in Recanati, (1847–1899) / a cura di Andrea Campana. – Firenze : Leo S. Olschki, 2011. – 313 p.

Consoli D. Leopardi e Dante // *Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento* : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – P. 39–90.

Corti M. 'Entro dipinta gabbia' : tutti gli scritti inediti, rari e editi 1809–1810 di Giacomo Leopardi. – Milano : Bompiani, 1972. – 532 p.

Damiani R. Leopardi e Madame de Staël // *Lettere italiane*. – 1993. – Vol. 45, N 4. – P. 538–561.

Figurelli F. Leopardi e il classicismo // *Leopardi e l'Ottocento* : atti del II Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 1–4 ottobre 1967). – Firenze : Leo S. Olschki, 1970. – P. 277–310.

Filicaia C.G. da. La presenza di Dante nell'opera di Leopardi. Osservazioni e suggestioni // *La modernità letteraria*. – 2013. – N 6. – P. 91–100.

[*Goethe J.W. von.*] Werther. Opera di sentimento del dottor Goethe celebre scrittore tedesco / Tradotta da Gaetano Grassi milanese. Coll'aggiunta di un'apologia in favore dell'opera medesima. – Poschiavo : Giuseppe Ambrosioni, 1782. – 210 p.

[*Goethe J.W. von.*] Gli affanni del giovane Verter / dall'originale tedesco ; Tradotti in lingua toscana, da Corrado Ludger. – Londra : Per T. Hookham, 1788a. – Parte prima. – 160 p. ; Parte seconda. – 179 p.

[*Goethe J.W. von.*] Verter, opera originale tedesca del celebre signor Goethe / Trasportata in italiano dal D.M.S. – Venezia : Giuseppe Rosa, 1788b. – Parte prima. – 108 p. ; Parte seconda. – 132 p.

[*Goethe J.W. von.*] Verter, opera originale tedesca del celebre signor Goethe : in 2 vol. / Trasportata in italiano dal D.M.S. – Venezia : Giacomo Storti, 1796.

La Penna A. Leopardi fra Virgilio e Orazio // *Leopardi e il mondo antico* : atti del V Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 22–25 settembre 1980). – Firenze : Leo S. Olschki, 1982. – P. 149–210.

Leopardi e il mondo antico : atti del V Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 22–25 settembre 1980). – Firenze : Leo S. Olschki, 1982. – 666 p.

Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – 852 p.

Leopardi e l'Ottocento : atti del II Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 1–4 ottobre 1967). – Firenze : Leo S. Olschki, 1970. – 660 p.

Leopardi e il Settecento : atti del I Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1962). – Firenze : Leo S. Olschki, 1964. – 541 p.

Leopardi e la traduzione. Teoria e prassi : atti del XIII Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 26–28 settembre 2012) / a cura di Chiara Pietrucci, prefazione di Fabio Corvatta. – Firenze : Leo S. Olschki, 2016. – 508 p.

Leopardi G. Canti / Introduzione di Franco Gavazzeni e note di Franco Gavazzeni e Maria Maddalena Lombardi. – 10-a ed. – Milano : BUR, 2018. – 724 p. (Grandi classici BUR).

Leopardi G. Le poesie e le prose : pensieri, discorsi e saggi. – 3-a ed. – Milano : Arnoldo Mondadori, 1949. – Vol. 2. – 1266 p.

Leopardi G. Zibaldone di pensieri. – 5-a ed. – Milano : Arnoldo Mondadori, 1957. – Vol. 1. – 1630 p. ; Vol. 2. – 1672 p.

Luzi M. Dante e Leopardi, o della modernità / a cura di Stefano Verdino. – Roma : Editori Riuniti, 1992. – 152 p.

Massano R. Werther, Ortis e Corinne in Leopardi (Filigrana dei *Canti*) // Leopardi e il Settecento : atti del I Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1962). – Firenze : Leo S. Olschki, 1964. – P. 415–435.

Natale M. Qualche appunto sulla fortuna italiana del *Werther* // I cantieri dell'italianistica. Ricerca, didattica e organizzazione agli inizi del XXI secolo : atti del XVIII Congresso dell'AdI – Associazione degli italianisti (Padova, 10–13 settembre 2014) / a cura di Guido Baldassarri, Valeria Di Iasio, Giovanni Ferroni, Ester Pietrobon. – Roma : AdI editore, 2016. – URL: <https://www.italianisti.it/publicazioni/atti-di-congresso/i-cantieri-dellitalianistica-ricerca-didattica-e-organizzazione-agli-inizi-del-xxi-secolo-2016/NATALE.pdf> (date of access: 22.08.2025).

The Oxford handbook of European Romanticism / Ed. by Paul Hamilton. – New York : Oxford univ. press, 2016. – 838 p.

[*Petrarca F.*] Rime di Francesco Petrarca : in 2 vol. / colla interpretazione composta dal Conte Giacomo Leopardi – Milano : Stella, 1826. – 972 p.

Placella V. Leopardi e Vico // Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – P. 731–757.

Portier L. Lo spirito della traduzione in Giacomo Leopardi rispetto all'Ottocento // Leopardi e l'Ottocento : atti del II Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 1–4 ottobre 1967). – Firenze : Leo S. Olschki, 1970. – P. 551–557.

Priore R. Una biografia dello *Zibaldone* : le prime cento pagine (1817–1820) / Prefazione di Paola Italia. – Milano ; Udine : Mimesis, 2024. – 345 p.

Ruggieri R.M. Sinonimia e parafrasi nel commento leopardiano al *Canzoniere* di Petrarca // Leopardi e la letteratura italiana dal Duecento al Seicento : atti del IV Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 13–16 settembre 1976). – Firenze : Leo S. Olschki, 1978. – P. 759–770.

Scafoglio G. 'Only a poet can translate true poetry' : the translation of *Aeneid* 2 by Giacomo Leopardi // Virgil and his Translators / ed. By Susanna Braund and Zara Martirosova Torlone. – New York : Oxford univ. press, 2018. – P. 305–317.

Sisto M. Michiel Salom traduttore : Goethe, Wieland e il romanzo italiano prima di Manzoni // Tra Weltliteratur e parole bugiarde : sulle traduzioni della letteratura tedesca nell'Ottocento italiano / a cura di Daria Biagi e Marco Rispoli. – Padova : Padova univ. press, 2021. – P. 89–109.

Sole A. Ancora sulla traduzione leopardiana del secondo libro dell'*Eneide* // Foscolo e Leopardi fra coscienza dell'antico e rimpianto del moderno. – Napoli : Federico e Ardia, 1990. – P. 179–205.

***Джакомо Леопарди – читатель (пред)романтической литературы:
к вопросу о рецепции романов «Коринна, или Италия»...***

Sole A. La traduzione leopardiana del primo libro dell'*Odissea* // Leopardi e il mondo antico : atti del V Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 22–25 settembre 1980). – Firenze : Leo S. Olschki, 1982. – P. 591–605.

Staël A.L.G. de. Corinne, ou l'Italie : in 2 vol. – 5-e édition, revue et corrigée. – Paris : Nicolle, 1812.

Stoyanova S. Chapter twelve : Giacomo Leopardi on the act of reading : the boredom of pastime reading, the cognitive block of studious reading, and the release of agency from instrumental intentionality // Mapping Leopardi : poetic and philosophical intersections / ed. by E. Cervato, M. Epstein, G. Santi, S. Wright. – Newcastle upon Tyne : Cambridge scholars publishing, 2019. – P. 285–310.

Vallana F. Virgilian Heroism(s) in Giacomo Leopardi's *All'Italia* // International journal of the classical tradition. – 2025. – Vol. 32, N 2. – P. 121–141. – DOI: 10.1007/s12138-024-00691-z